

ПЕРВОЕ впечатление об манчиво. Показалось, будто Марсо — сухой, необщительный человек. Подумалось — не вовремя эта затыка с интервью, ведь до концерта каких-нибудь полтора часа. Но вскоре стало ясно: просто не на сцене, «в жизни» — он скуп в жестах и мимике (не компенсация ли за изнуряющие рабочие часы?), зато улыбается охотно и говорит как-то по-особенному — ярко и образно. Говорит так, как привык мыслить, создавая свой новый сюжет — яркий, образный, афористичный.

Короткая справка. Марсель Марсо родился в 1923 году во французском городе Страсбуре. Юношей переехал с родителями в Лимож, где стал учиться искусству росписи по эмали. И вдруг — пантомима. Несколько лет провел в студиях и труппах Шарля Дюлена, Этьена Декру, Жана-Луи Барро.

— Да, я выбрал пантомиму, — две глубокие продольные морщины на лбу Марсо, там, где по замыслу своей маски он обычно рисует черные дуги бровей, стали как будто еще резче. — Не потому, что не смог бы говорить со сцены. Я убежден: красноречие тела так же необходимо, как красноречие... ну, хотя бы музыки. Я молчу — это не грусть, не печаль, не безмолвие в одиночестве. Это размышление. Не правда ли, иной раз нужно помолчать, чтобы что-то обдумать заново, что-то пересмотреть?

Свою программу Марсо строит по принципу от простого — к сложному, исподволь приобщает зрителя к языку жеста, мимики, позы. Вот бродячий акробат. Он поднимает невидимые гири и с риском для жизни балансирует на протянутом над площадью канате. Начинаете переживать:

Марсель Марсо:

не сорвался бы. И это значит, что для вас, как и для Марсо, уже не существует дощатого пола сцены и тяжелых черных кулисных занавесей.

— Что и говорить, — продолжает Марсо своим глухим, чуть сипловатым голосом, — слова — важное средство общения. Но не единственное. Разноязычие часто становится преградой на пути к контакту между актером и зрителем. Я же, мим, на любой сцене чувствую себя уверенно: меня понимает зал.

Следующая пантомима чуть сложнее. Луч прожектора выхватывает из темноты статую в парке, которая оживает и превращается в прогуливающихся дам и господ. Старушки на скамейке, ловко частая спицами, без усталости судачат. Мимо проносятся на самокате мальчишка. Разыгралась маленькая драма любовного свидания. Сторож прошелся по аллеям метлой и смел листья и бумажки. Гаснет свет, и статуя снова замирает на пьедестале. Вся эта парковая публика — один Марсо, который с блеском продемонстрировал театр одного актера и множественности персонажей. И кажется, изобразил он целый город, не прибегая, как и в этой спелке, к дополнительному гриму и не меняя костюма, среди его образов не было бы двух одинаковых.

Словарь толкует: «мим» (с греческого) — подражатель, «пантомим» — все воспроизводящий подражанием. Марсо необычайно зорек. Но артисту мало быть только наблюдательным, зорким. Он должен еще уметь трансформировать

«Я ВЫБРАЛ ПАНТОМИМУ...»

свои впечатления в художественные приемы. Созданные Марселем Марсо образы — филигранная работа мастера. «Артист-художник», «Исполнитель танго», «Трибунал», «Маленькое кафе» — в этих бытовых зарисовках Марсо не просто подражатель жизни. Как бы со стороны он смотрит на своих героев — иногда с юмором, часто — с любовью. А иногда и открыто сатирически, как, например, в блистательном гротеске «Трибунал», где он — и напыщенный, велеречивый прокурор-демагог, и изображающий либерала адвоката, и зевающие от скуки заседатели, и заранее предопределенный судьбу бедняка-подсудимого судья, и сам, подсудимый, отпущенный от всего этого судейского фарса.

— Пантомима — словно увеличительное стекло, которое актер подносит к глазам зрителя. И, если хотите, это рентген мозга, мыслей. Мим надевает маску, чтобы сорвать ее с лица персонажа. Он препарирует на виду у зрителя своего «героя» — стыдливость негодая, цинизм лирика, смелость труса, — так говорит Марсо. — Мим не должен прибавать к своему происхождению. Выросшее на народной почве, это искусство должно выражать самые глубокие чаяния народа.

Еще в 1947 году, когда Марсо стал не только вполне самостоятельным мимом, но даже организовал свою труппу, впервые вышел на театральные подмостки его Бип. Как известные всему миру чаплинский Чарли, или клоун Пьеро — детище выдающегося

мастера французской пантомимы XIX века Гаспара Дебюро, или неперменные персонажи французского ярмарочного театра Арлекин и Коломбина, или как наш Петрушка, Бип — выходец из народа, понятный и нужный ему.

В свой нынешний приезд в Киев Марсо показал на сцене дворца «Украина» новую пантомиму «Бип — солдат». Бип на призывном пункте прощается с мамашей-старушкой и сестрой. Его с трудом высебуждают из их объятий и ставят в строй. Начинается муштра, которой Бип никак не может понять, и, конечно, ему достается и здесь. И вот Бип в окопе. В широко раскрытых глазах Бипа — недоумение, страх, ужас перед жестокостью бессмысленной мясорубки войны. Перебиты все, кто был рядом. Обезумевший? Нет, протестующий. Бип поднимается во весь рост, и впервые пантомима о жизнерадостном, живучем Бипе кончается его гибелью.

За кулисами, отбивая ладоши, неистовствуют пятнадцать ребят. Они называют Марсо своим учителем, а он их — учениками. Все началось пять лет тому назад. Эти самые ребята из самодеятельной студии пантомимы Днепропетровского дворца культуры железнодорожников, узнав, что в Киеве гастролирует Марсель Марсо, решили: была не была, поеем. Им удалось не только попасть на концерт, но и договориться с Марсо о встрече в Донецке, куда он отправился из Киева. В Донецке Марсо провел со студиями

несколько занятий. Они стали друзьями. И вот все пятнадцать снова здесь. Марсо решил им посмотреть концерт из-за кулис.

Глядя на едва держащегося на ногах от возбуждения и усталости, с наполовину расплывшейся по лицу белой краской Марсо, я вспомнила еще одну его пантомиму — «Ваятель масок». Художник лепит маски. Разные — злые, добрые, печальные, веселые. Вылепил хохочущую — примерил перед зеркалом, вылепил трагическую — снова примерил. Что значит «примерил»? Провел рукой по лицу, и оно приобрело выражение маски. Снова — натынул, хохочущую маску. Захотел снять, а она не поддалась. Приклеилась, что ли? Он удивлен — а маска хохочет, подергал снова — не снимается, хохочет. Он испуган, он в панике, судорожными движениями пытается сорвать ненавистную маску — а маска издевательски смеется. Его плечи содрогаются от рыданий, наконец, он падает без чувств, а на лице-маске то же выражение безудержного веселья. Из последних сил (лучше умереть, чем жить с такой маской!) он все же срывает ее. Из борьбы человек вышел измученным, но обновленным. Он вернул себе человеческое лицо, и пусть оно стало печальной, зато и мудрей.

За свою большую актерскую жизнь Марсель Марсо изваял не одну сотню масок. Каждая оставила на его лице след. Не потому ли при первом взгляде оно кажется таким усталым?

Л. ПРИВЕС.

РАБОЧАЯ ГАЗЕТА

г. КИЕВ

4 ДЕК 1973